

жести проблемы оказался перенесенным с отношений между языком и действительностью на отношения между человеком и языком, на то, как человек обращается с языком. Здесь, как и во многих других случаях, проявилась принадлежность романтиков к переходному периоду в развитии культуры: их не удовлетворяют не только старые ответы, их не удовлетворяет и то, как были поставлены старые вопросы, однако полностью переформулировать многие из этих старых вопросов они были не в состоянии.

«В целом, — отмечает А. В. Шлегель, — язык не может стать совершенно непозитичным; в нем всегда сохраняются в рассеянном виде поэтические элементы» [14, с. 243]. В отличие от языка науки, практически лишившегося первоначальной образности, в разговорном языке может снова возникнуть «некоторая естественность знака» [14, с. 243]. Однако истинное возрождение универсальных возможностей языка происходит в поэзии. В этом заключается ее историческое назначение, поэзия представляет собой «повторное сотворение языка» (*Wiederschöpfung der Sprache*) [14, с. 83].

Чтобы вернуть языку утраченные возможности, поэт должен, указывает А. В. Шлегель, направить свою деятельность на язык. Рассудок, употребляя язык подобно инструменту, «низводит его до чистого средства» [14, с. 244], полностью подчиняя его внешним целям. Речевой поток как самостоятельная сущность исчезает, он не переживается ни говорящим, ни слушающим, «в обыденной жизни часто воспринимают совсем не слова, а только их смысл» [14, с. 245]. В поэзии же «речевая последовательность приобретает ценность сама по себе, обозначением чего служит и метрическая форма ее» [14, с. 245]. Человек, воспринимающий поэтическую речь, «не должен спешить перескочить через отдельные ее части, но должен остановиться на каждой из них» [14, с. 245].

Направленность поэтического творчества на язык значима, указывает А. В. Шлегель, как с точки зрения создания поэтического произведения, так и с точки зрения его восприятия. Творчески преобразуя язык, поэт повышает его возможности. Языковой облик поэтического произведения становится при этом отличным от других проявлений языка. Особый характер поэтического языка в свою очередь оказывает влияние на человека, воспринимающего поэзию, он «узнает, что находится во власти иной душевной силы, нежели та, что господствует в обыденной речи» [14, с. 245]. Превращенный характер поэтического языка связывает воедино создание и восприятие художественного произведения, которые являются сходными видами деятельности. Представление об активном, творческом характере восприятия продуктов духовной деятельности — важная особенность романтического мировоззрения. Так, А. В. Шлегель указывал, что понимание искусства происходит через «ослабленное повторение той же деятельности, которая порождает его произведения» [21, с. 3].

Положение о направленности поэтического творчества на язык не следует оценивать как формалистическое. Романтики рассматривали поэзию как необходимый способ освоения действительности, и создание особого поэтического языка выступало, таким образом, не как самоцель, а как часть обширной области человеческой деятельности. Ход мысли, безусловно, парадоксальный, однако теоретические построения романтиков изобилуют парадоксами.

Чтобы понять этот парадокс, необходимо учесть, что романтики считали язык не просто послушным инструментом, но явлением, обладающим определенной самостоятельной активностью. Новалис писал, например, что язык «негибок» и может даже «принуждать» говорящего [16, с. 142]. «Отсюда и ненависть, которую питают многие серьезные люди к языку. Они замечают его строптивость» [16, с. 438]. Между говорящим и предметом речи всегда находится язык, только через язык говорящий и может действовать. Язык в определенном смысле автономен, однако, как полага-